

1

На сегодняшний день Юрий Михайлович Лотман (1922-1993) является культовой фигурой: это один из наиболее часто цитируемых русских ученых, его труды вошли в школьные и вузовские программы, его наследию посвящаются массовые мероприятия: *Лотмановские конгрессы* (Тартуский университет), *Лотмановские чтения* (Российский государственный гуманитарный университет), *Лотмановские дни* (Таллинский и Краковский университеты), разнообразные конференции; защищаются диссертации¹, написаны воспоминания², изданы биографические книги³. Стоит упомянуть о памятнике ученому, установленному возле библиотеки Тартуского университета (конструкция из пяти 15-метровых труб воспроизводит шаржированный автопортрет Лотмана; скульптор Мати Кармин, архитектор Андрес Лунге), а также двух документальных фильмах: в 2012 г. был снят фильм «Пространство Юрия Лот-

© Людмила Луцевич. 2015

© TSQ № 53. Summer 2015

¹ См., например: Васильева, Анна. Культурологическая концепция Ю. М. Лотмана. Дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 1997; Зеленская, Лиана. Принципы интерпретации текста в Московско-Тартуской семиотической школе. Историко-философский анализ. Дис. ... канд. филос. наук. Москва, 2000; Леута, Оксана. Теория художественного текста в трудах Ю. М. Лотмана: Эстетические проблемы. Дис. ... канд. филос. наук. М., 2003; Зайнетдинова, Регина. Становление проблемного поля концепции семиосферы Ю. М. Лотмана: историко-философский анализ. Дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2011.

² Юрий Михайлович Лотман и тартусско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994, с. 432-495.

³ Егоров, Борис. Жизнь и творчество Ю. М. Лотмана. М.: НЛО, 1999.

мана» (реж. Генрих Зданевич), в 2013 — «Счастливые единомышленники. Юрий Лотман и Зара Минц» (реж. Алёна Суржикова). Все в совокупности свидетельствует о состоявшейся канонизации — как научного наследия, так и личности ученого.

В сознании многих наших современников-гуманитариев Лотман присутствует не только как выдающийся ученый, но и как удивительная человеческая личность с твердыми нравственными позициями. Трудно удержаться от того, чтобы не привести цитату из лотмановской биографии Александра Пушкина, которая распространяется в равной степени как на «героя», так и на его создателя: «Сквозь пестроту случаев, столкновений, конфликтов через всю жизнь <...> проходит одно неизменное чувство — чувство собственного достоинства. Оно лежит в основе общественных идеалов, ибо без веры человека в свою ценность нет свободы — ни общей, ни частной, оно составляет фундамент жизненной позиции»⁴. Основным стержнем пушкинской личности Лотман сделал человеческое достоинство. Оно первостепенно и для личности самого ученого, строго хранившего на всех жизненных этапах, во всех перипетиях редкое качество: умение «читать самого себя»⁵. Соратники Лотмана неустанно подчеркивали, что свой собственный жизненный путь он стремился выстроить «по высоким нравственным идеалам»⁶. На вопрос эстонского журналиста: *Что для Вас свято?* Лотман ответил, не задумываясь: *Человеческое достоинство*⁷.

На примере Лотмана очевидна амбивалентность так называемой «заражаемости» поэта и литературоведа известным императивом русской литературы, требовавшим «единства

⁴ Лотман, Юрий. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя. Пособие для учащихся. Изд. 2-е. Л.: Просвещение, 1983, с. 107.

⁵ В стихотворении «Еще одной высокой, важной песни...» Пушкин назвал «наукой первой» умение «*Чтить самого себя*» (Пушкин, Александр. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2. Стихотворения, 1825—1836. М.: Художественная литература, 1974, с. 474-475).

⁶ Егоров, Жизнь и творчество Лотмана, с. 183.

⁷ Интервью Юрия Лотмана // Егоров, Жизнь и творчество Лотмана, с. 349-354; с. 354.

жизни и творчества» (к чему нас призывали присмотреться в своей конференционной концепции организатор Йордан Люцканов и его соавторы Нина Барковская, Мария Литовская, Александр Медведев). Этот императив появился уже у Гаврилы Державина, а широко распространился благодаря Василию Жуковскому, провозгласившему «правило — жить, как пишешь, чтобы сочинения были не маска, а зеркало души и поступков»⁸, и Константину Батюшкову, афористически сформулировавшему тезис: «живи как пишешь, и пиши как живешь»⁹. Убеждение в том, что жизнь поэта теснейшим образом связана с его творчеством зародилось в романтизме, укоренилось в последующие эпохи в русской культуре, захватив сферу литературной критики и литературоведения.

В связи с проблематикой конференции для меня интерес представляют, во-первых, размышления Лотмана о литературоведческой саморефлексии и, во-вторых, концепция литературного мессианизма как конструктивная идея культуры, утвердившаяся в русской классике и в литературоведении. В наследии ученого эти два явления не только отчетливо проявляются, но и взаимодействуют друг с другом.

2

На протяжении всей своей жизни в науке Лотман стремился к максимальной исторической правде и объективности

⁸ Василий Жуковский: «Вот мой кодекс. *Писать* (и при этом правило — жить, как пишешь, чтобы сочинения были не маска, а зеркало души и поступков)» (Жуковский, Василий. Дневники. Записные книжки (1804-1833). М.: Директ-Медиа, 2012, с. 120).

⁹ См. подробнее: «Я желаю — (пускай назовут странным мое желание!) — желаю, чтобы Поэту предписали особенный образ жизни, пиитическую диэтику: одним словом, чтобы сделали науку из жизни Стихотворца. Эта наука была бы для многих едва ли не полезнее всех Аристотелевых правил, по которым научаемся избегать ошибок, но как творить изящное — никогда не научимся! Первое правило сей науки должно быть: живи, как пишешь, и пиши, как живешь. *Talis hominibus fuit oratio, qualis vita* (Речь людей была такова, какова их жизнь)» (Батюшков, Константин. Сочинения. Ред., вступ. ст. и коммент. Дмитрия Благого. М.; Л.: Academia, 1934, с. 342, издание доступно также в электронном виде в сети, см.: <http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=showbook&pid=4519>).

(обращение к структурализму в 60-е гг. было продиктовано именно желанием иметь объективный исследовательский инструментарий). Однако в своей статье, или воспоминаниях, «Двойной портрет», записанной Татьяной Кузовкиной в 1992 г., он признавался: «В пространстве научных исследований гуманитарные наиболее связаны с личностью автора. Академик А. С. Орлов (историк, специалист по древнерусской литературе — Л. Л.) однажды заметил, что исследователи невольно передают изучаемым ими писателям глубинные черты своего собственного характера. Эту мысль он пояснял сравнением: „Вот у Мейлаха, — говорил он, — все писатели осторожные, слова лишнего не скажут, все оглядываются, уточняют формулировки, а у Гукковского так и шастают, так и шастают“¹⁰. В этом ироническом замечании таится глубокая истина»¹¹.

Относительно литературоведческой саморефлексии у Лотмана как биографа также есть любопытные наблюдения: «Между исследователем и изучаемым им писателем всегда складываются сложные диалогические отношения <...>. Чтобы изучать творчество писателя, даже при сознательном стремлении к предельной объективности, ученый должен найти в нем нечто созвучное себе, некое зеркальное пространство, в котором он сам может отразиться. Требования объективности не противоречат этому»¹². Автобиографическое «зеркальное пространство», имплицитно отражавшее личность ученого, присутствует в трудах Лотмана и об Александре Радищеве, и о Николае Карамзине, и о Пушкине.

¹⁰ Игорь Сухих — представитель более позднего поколения литературоведов, дал несколько иную версию: «У Мейлаха Пушкин тихий, осторожный, всё время боится, как бы не сказать чего-нибудь лишнего, а у Гукковского так и шастает, так и шастает» («Игорь Сухих: „Жизнь Чехова — успешно доказанная нравственная теорема“»: Беседа с Игорем Сухих // Литература, 2010, № 01 (745), б. пар.:

http://lit.1september.ru/view_article.php?ID=201000105).

¹¹ Лотман, Юрий. Двойной портрет // Егоров, Жизнь и творчество Лотмана, с. 331-348; с. 335.

¹² Там же.

В воспоминаниях о своих учителях «Двойной портрет», в главке «Томашевский и Гуковский», Лотман уловил эту, не всегда видимую, связь между исследователем и его героем: «Несмотря на предельную объективность исследовательского стиля Томашевского, его Пушкин всегда был именно *его* Пушкиным. В многообразии пушкинской личности Томашевский высвечивал объективный ум, действительно присущую Пушкину поразительную способность трезвого взгляда на жизнь»¹³. Лотман в Пушкине Бориса Томашевского обнаружил то «глубинное» свойство, которое было присуще Томашевскому как человеку и ученому. А затем уже ученики и коллеги самого Лотмана будут отмечать, что «Пушкин или Карамзин, описанные Лотманом, это *его* Пушкин и его Карамзин»; «сам автор осознавал подобный „автобиографизм“ как дискурсивную проблему и сформулировал ее как одну из закономерностей научного творчества»¹⁴. О значении личности и творчества Пушкина в жизни ученого можно говорить много и результативно. Но сейчас хочу обратить внимание только на одно признание Лотмана (1982). Ученый считал «одним из высших свойств человека <...> память <...>. В памяти нет разницы между живыми и мертвыми: все живы, со всеми можно говорить, выслушивать их укоры или одобрения. <...> выше всего я ценю мнение Пушкина и очень боюсь его осуждения»¹⁵. Это признание проясняет, о какого рода диалогических отношениях идет речь между биографом и поэтом. В данном контексте вполне корректен один из концептуальных вопросов нашей конференции: что это — конвертируемая профессиональная компетентность или культурная миссия? Ученый вступает в диалогические отношения со своим героем, мыслимым в качестве носителя полной, а значит, объективной истины, т. е. как высший нравственный суд. В случае

¹³ Там же.

¹⁴ Киселева, Любовь. Ю. М. Лотман — собеседник: общение как воспитание // Лотман, Юрий. Воспитание души. СПб.: Искусство-СПБ, 2003, с. 598-611, <http://www.ruthenia.ru/lotman/txt/kiseleva03.html>

¹⁵ Егоров, Жизнь и творчество Лотмана, с. 349.

Лотмана профессиональная компетентность и культурная миссия идут рука об руку.

Способность Лотмана «отражаться» в собственном научном творчестве, соотносить личностные установки с позициями изучаемого писателя замечательно зафиксировал его биограф, соратник и ближайший друг — Борис Егоров: «Отражение мировоззренческих и психологических особенностей ученого в его научных трудах — значительная и малоизученная тема. По отношению к Ю. М. Лотману она <...> достойна специального обширного исследования»¹⁶; «Особый разговор — как отразились черты ученого в его научном творчестве; на эту тему нужно написать отдельную работу»¹⁷. К сожалению, такая работа пока не написана.

Итак, в первой части своего выступления я попыталась актуализировать некоторые размышления Лотмана о литературоведческой саморефлексии.

3

Далее остановлюсь на лотмановской версии так называемого «литературного мессианизма» как конструктивной идее культуры, утвердившейся в русской классике и в литературоведении. На мой взгляд, при изучении русской культуры XIX в. (как и XX) было бы оправданным введение понятия «литературный мессианизм». Оно вытекает из общей концепции русского мессианизма, истоки которой уходят в эпоху Средневековья, но самостоятельное значение приобретает, на мой взгляд, в культуре XIX в. Современные российские философы констатируют: «начиная с XV века идея русского мессианизма вращалась в историческое и повседневное бытие народа, существенно влияла на нашу культуру и ментальность, была идеологическим основанием внешней и внутренней политики Российского государства как в ее откровенно имперских проявлениях, так и во вполне мирных притязаниях на особую роль

¹⁶ Там же, с. 363.

¹⁷ Там же, с. 374.

русского народа в отечественной и мировой истории»¹⁸. Идея мессианизма не только вращалась в быт и бытие русских людей и влияла на культуру. В XIX в. литература, а в Пушкинскую эпоху в первую очередь поэзия выделены из общей сферы культуры и обрели общенациональное значение — избранническое и спасительное одновременно.

На первых же страницах пушкинской биографии Лотман указывает на небывалую концентрацию общественных проблем и интересов именно в литературе: «Вся мощь национальной жизни сосредоточилась в это время в литературе»¹⁹, при этом особое место отводилось поэзии: «Поэзия была ответом на все. Она становилась оправданием в собственных глазах и обещанием бессмертия. Именно бессмертия — такова была единственная мерка, которой мерилось достоинство стихов...»²⁰.

Английский исследователь Питер Дункан в специальной монографии, посвященной русскому мессианству, солидаризируясь со своими соотечественниками — Джеффри Хоскингом и Джорджем Шопфлином²¹, подчеркивает, что русское мессианство — это многовековой устойчивый «национальный миф», где равнозначны как идея спасения, так и идея избранности²², исследователь считает, что мессианство на разных этапах развития Российского государства проявляется в многообразных формах²³ и влияет на все стороны русской жизни — экономику, политику, нравственность, литературу, живопись, кинематограф, в частности, на таких «ведущих деятелей рус-

¹⁸ Новикова, Лидия, Сиземская, Ирина. Идеи мессианизма в русской философии истории // *Общественные науки и современность*, 1995, № 6, с. 69-77; с. 69.

¹⁹ Лотман, Александр Сергеевич Пушкин, 1983, с. 9.

²⁰ Там же, с. 24-25.

²¹ См.: Schöpflin, George. "The functions of myth and a taxonomy of myths" // *Myths and Nationhood*, eds. Geoffrey Hosking and G. Schöpflin. London: Hurst & Company, [1997], p. 19-35 (p. 29-32); Hosking, G. *Russia. People and Empire, 1552-1917*, London: Harper Collins, 1997.

²² Duncan, Peter J. S. *Russian messianism: Third Rome, revolution, Communism and after*. London, New-York: Routledge, 2002, p. 3.

²³ Там же, p. 1.

ской литературы, как Пушкин, Гоголь, Достоевский, Блок, Белый, как и равно на искусство Александра Иванова и кино <Андрея>Тарковского»²⁴. Автор новейшей диссертации «Мессианство русской культуры...» убежден в том, что мессианство является не только «ценностным основанием русской культуры», но и «моделирующим началом мышления и действия»²⁵.

Не углубляясь более в эту общую проблему, отмечу, что Лотман еще в 1992 г., т.е. ранее, чем процитированные мною авторы, сформулировал две принципиальные идеи, соотносящиеся с мессианством: во-первых, ученый относил русскую культуру (с ее литературоцентризмом) к культурам с бинарной структурой, осознающей себя в категориях взрыва: «Характерная черта взрывных моментов в бинарных системах — их переживание себя как уникального, ни с чем не сравнимого момента во всей истории человечества»²⁶, отсюда и вытекает мессианство с его идеями избранничества; во-вторых, ученый обратил внимание на то, что русская культура в период Средневековья выработала дихотомическую модель письменности: а) религиозную (церковную, боговдохновенную) и б) светскую (мирскую, человеческую). В эпоху Нового времени, когда слово боговдохновенное должно было бы смениться словом человеческим, возникла особая ситуация, при которой секуляризация культуры, как считает ученый, не затронула глубоких структурных основ религиозной модели, сохранившей совокупность признаков, которые теперь распространились на поэзию (мыслимую как некий светский аналог религиозной модели) и соответственно на поведенческую и творческую стратегию поэта.

Стоит обратить внимание на любопытную переключку идей: Лотман (1992) пишет по существу о сохранении основ

²⁴ Там же.

²⁵ Петров, Андрей. Мессианство русской культуры: проблема продуцирования социокультурных феноменов архетипичного. Дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2009, <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/357828.html>

²⁶ Лотман, Юрий. Культура и взрыв. Москва: Гнозис; Прогресс, 1992, с. 143.

религиозной модели в новой светской культуре, Александр Михайлович Панченко (1991) это же явление называет «светской святостью», а Пушкина — «Главой Поэтов и главой „светских отцов“»²⁷.

Согласно Лотману, в Новое время поэзия заняла «вакантное место духовного авторитета», именно на нее теперь «переносились традиционные религиозные представления»²⁸. Авторитетность же поэтического текста обуславливалась только одним правом — «говорить от лица Истины», но это право поэту надо было завоёвывать «самопожертвованием, личным служением добру и правде, и в конечном счёте, подвигом»²⁹. Идея личного подвига, согласно Лотману, стала «необходимым условием действительности поэтического слова. Само понятие действительности связано с представлением о неразрывности слова и поведения»: только «способность подкрепить авторитет слова мученическим подвигом» дает поэту «право на ме-

²⁷ См.: «Идеи „светской святости“ вполне естественные для секуляризованных верхов, постепенно проникают и в „прилежащие вере“ низы. Те и другие определяют и подвергают освидетельствованию претендентов на место на русском олимпе, иногда соглашаясь друг с другом, иногда не соглашаясь. Таких претендентов было немало. Исключая пореволюционных „выдвиженцев“, исключая „благословенных“, „освободителей“, „миротворцев“, то есть монархов, — это сплошь Поэты: Гоголь, Некрасов, Достоевский, Толстой... О том, что Поэты — одни успешнее, другие хуже — выдержали испытание, свидетельствует самое время. На них не распространяется срок давности, они признаны и остаются, несмотря на спорадические попытки ниспровержения, духовными наставниками нации. Их книги, подобно творениям святых отцов, не подвержены старению и сохраняют качество учительности спустя многие десятки лет. Это чисто русская ситуация. В Рах Романа ничего подобного нет. Ни католики, ни протестанты за ответом на житейские проблемы не обращаются к Гёте, Бальзаку или Диккенсу, при всем почтении к ним. На Западе нет „светской святости“, в России же ее основания заложил Петр (скорее всего, не предполагая таких последствий церковной своей реформы). Глава Поэтов и глава „светских отцов“ — Пушкин, относительно которого нация высказалась с поразительным единодушием» (Панченко, Александр. Церковная реформа и культура петровской эпохи // XVIII век. СПб.: Наука, 1991. Сб. 17, с. 3-16, с. 11).

²⁸ Лотман, Юрий. Избранные статьи: В 3 т. Т. III. Таллинн: Александра, 1993, с. 129.

²⁹ Там же, с. 130.

сто пророка»³⁰. Поэтическое творчество преобразуется в служение, включающее мученичество³¹, подвижничество, предположившее самоотвержение, жертвенность, аскетизм, а также безупречность личного поведения, уподобиваясь, таким образом, служению религиозному. Значит, теперь поэт — носитель высшей истины, ему присущ определенный этический кодекс, обусловленный строгой нравственностью в личной жизни, он не зависит от мирской власти и обладает даром пророчества. Таким образом, поэт — это личность исключительная — избранная, и функция ее для культуры и народа в целом — сотериологическая (искупительная и спасительная). Лотман подчеркивал: «в культуре послепетровской России писатель занял то место, которое предшествующий этап отводил святому — проповеднику, подвижнику и мученику»³². Те характеристики, которые использовал ученый, свидетельствуют о том, что он мессианизировал фигуру поэта в русской культуре. И сделал это не волюнтаристски, а в результате скрупулезного изучения русского литературного процесса, где обнаружил/выявил, начиная с XVII-XVIII вв., эту уникальную позицию поэта: «Исследователь русской культуры <...> не может не задуматься над фактом, соответствий которому он не находит в культурах западноевропейских: принципиально различное отношение в обществе к труду художника, архитектора, актера и т. д., с одной стороны, и к творчеству поэта — с другой. В западноевропейской культуре <...> поэт находится в одном ряду с другими деятелями искусств. <...> Творчество

³⁰ Там же.

³¹ См.: В эпоху Средневековья мученичество воспринималось как одно из бесспорных свидетельств религиозной избранности; «концепции мученичества были укоренены в духовной и интеллектуальной атмосфере раннехристианской церкви»; мученичество «высшая форма религиозного служения и избранности»; в восприятии верующих мученики были «основными посредниками между Богом и людьми, в их образах совершалось взаимодействие и взаимопроникновение двух сфер — земной и потусторонней» (Парамонова, Марина. Мученики // Словарь средневековой культуры / Под ред. Арона Гуревича. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003, с. 331, 332, 334).

³² Лотман, Юрий. Избранные статьи: В 3 т. Т. I. Таллинн: Александра, 1992, с. 374.

поэта не считалось в России <...> ремеслом и резкой гранью было отделено от остальных искусств. Поэзия — „язык богов“, благородное занятие. <...> Представление о поэзии как языке богов из обычной барочной метафоры превращается в библейскую идею поэта-пророка. Язык богов превращается в язык Бога»³³. Речь идет, как видно, о сохранении и укоренении в новых условиях религиозной модели русской словесности. Провиденциальность поэтического творчества, способного приблизиться к интуитивному постижению высшего промысла, с одной стороны, и готовность поэта к жертвенности и подвигу, с другой, сливаются в литературном мессианстве Пушкина, Михаила Лермонтова, Федора Тютчева, Николая Языкова и др.

Лотман вольно или невольно наделил особой провидческо-миссианской функцией и самую фигуру литературоведа-биографа, который, обращаясь к изучению личности и творчества того или иного автора, должен направлять свою активность к единой цели: «воссозданию того *целостного идеала личности*, который создавал в своей душе герой»³⁴. При этом как раз необходимо то «зеркальное пространство», в котором отражается личность ученого.

О мессианстве самого исследователя (биографа) кратко скажу словами его тартуанского друга, философа Леонида Столовича: «Основным призванием Ю. М. была наука, и он полагал, что через свою деятельность ученого <...> он реализует свое жизненное призвание»³⁵. Что это — конвертируемая профессиональная компетентность или культурная миссия? В данном случае органически сливаются первое и второе, поскольку культурная миссия ученого невозможна вне его профессиональной компетенции.

³³ Лотман, Юрий. Избранные статьи: В 3 т. Т. III. Таллинн: Александра, 1993, с. 128.

³⁴ Лотман, Юрий. Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987, с. 13.

³⁵ Столович, Леонид. Воспоминания о Юрии Михайловиче Лотмане. Структурализм с человеческим лицом // Семь искусств, 2012, № 1 (26), <http://7iskusstv.com/2012/Nomer1/Stolovich1.php>